

КОЭВОЛЮЦИЯ ЭТНО- И ЛИНГВОГЕНЕЗА

В статье исследуются коэволюционные взаимосвязи этнической и лингвистической истории русского народа, выявляются характер и закономерности языковых ситуаций в тот или иной период этногенеза, описываются последствия синхронии и диахронии этно- и лингвогенеза.

Язык считается одним из главных этнических маркеров. С точки зрения Ф.П. Филина, именно язык является «бесприимчивым критерием определения этнической единицы» [1, с. 76]. Действительно, со сменой языка, как правило, происходит и смена этнической принадлежности, поэтому лингвистические изыскания считаются в этнологии наиболее эвристичными в деле воссоздания ранних этапов этногенеза. Лингвистическая фактура позволяет наиболее глубоко проникнуть в ретроспективную тьму этногенеза. Даже археология, претендующая на максимальную историческую глубину исследования человеческой истории, не может похвастаться четкостью анализа этнического разнообразия: археологическая культура, датируемая, скажем, серединой I тыс. до н.э., не способна различить контуры современных народов.

Самым продолжительным в истории любого этноса является родо-племенной период. В русской истории этот период связан, в основном, с общеславянской жизнью. М. Фасмер определял общеславянский период в 800 лет (400 г. до н.э. – 400 г. н.э.). В последующем древнерусские летописи при именовании этносов постоянно используют слово «языки», однако сам язык весьма продолжительное время не выступал дифференцирующим признаком внутри славянского массива. В условиях первобытного «языкового континуума» вовсе не язык, а тотем выступает в качестве главного этномаркера. Историческое время небольших этнических групп непродолжительно, а социальное пространство их языков – ограничено. Бесписьменные языки еще не имеют внутренней кумулятивной силы и внешнего (письменного) поддерживающего каркаса.

По мнению Ф.П. Филина, эволюция славянского праязыка прошла три этапа:

- 1) формирование основы славянской языковой системы (вплоть до конца I тыс. до н.э.); 2) формирование диалектов внутри славянской общности (III – V вв.); 3) распад на отдельные славянские языки (V-VIII вв.). Последний этап по времени совпадает с «великим славянским переселением», когда разные группы славян не только перемешались с другими народами, но и оказались изолированными друг от друга массивами других народов. С лингвистической точки зрения, как выразился В.В. Иванов, «граница между общеславянским и отдельными славянскими языками проходит по времени падения редуцированных гласных» [2, с. 25]. Появляется полногласие: общеславянский «грах» превращается в древнерусский «горох», «брег» – «берег», «млеко» – «м'локо»; «е» и «ю» обращаются в «о» и «у» (езеро – озеро, осень – ошень). И если до VI-VII вв. заимствованные слова распространяются по всему славянскому массиву, то начиная с VI-VII вв. заимствования становятся локальными. Эта

языковая фрагментация наглядно свидетельствует о распаде праславянского единства и распаде общеславянского языка. В целом преодоление родо-племенных отношений у славян в V-VI вв. совпадает с расщеплением общеславянской общности и общеславянского языка на три самостоятельные ветви (восточную, западную и южную). Уже к X-XII вв. появились самостоятельные древнерусский, сербохорватский, польский и иные славянские языки. Этносознание сумело отразить данный процесс. Например, в Польше к XIV в. понятие «польский язык» полностью (за исключением Поморья) вытеснило определение «славянский язык».

От ушедшей эпохи остался общеславянский лексикон. Т. Лер-Сплавинский насчитал в польском языке до 1800 слов из этого фонда. В русском языке О.Н.Трубачев определяет это количество в 3911 слов (это достаточно много, если учесть, что лексика праславянского языка была весьма бедной). Выпускаемый под редакцией О.Н. Трубачева «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд» предполагает анализ около 25 тыс. праславянских лексем (для сравнения: В.М. Иллич-Свитыч восстановил всего 378 корней ностратического праязыка, распавшегося примерно 13 тыс. лет назад).

При характеристике лингвистической ситуации следующего (народностного) периода в первую очередь следует обратить внимание на появление и распространение письменности. Письмо изменяет сам характер исторических процессов в языке. Например, тот факт, что при развале праславянской общности разные славянские народы стали использовать разные литературно-письменные языки (латынь в Польше, старославянский на Руси и т.д.) и разное письмо (латинский шрифт у западных славян, кириллица у восточных), во многом способствовал их отделению друг от друга. Самое же главное состоит в том, что вместе с приходом письма завершается мифологический этап в развитии мировоззрения народов (миф о письме как даре богов, как правило, – последний миф). Количественно (словарь родо-племенного сообщества насчитывает в своем составе слов в 50 раз меньше, чем словарь сложившегося письменного языка) и качественно (структура, функции, арсенал распространения и т.д.) это уже другой язык, что и позволило сделать скачок к новому типу этносознания.

Надо помнить, что большинство варварских народов получили письменность одновременно с христианством (вспомним, во второй половине IX в. Константин и Мефодий создавали письменный язык славянства исключительно для нужд христианского культа, для перевода греческих богослужебных книг. Отсюда, кстати, его искусственность, обработанность и надидеальность). Это имело значительные последствия: «христианизация Европы, рассмотренная в аспекте языка (то есть как процесс распространения священных книг и богослужения на том или ином языке), шла по двум основным моделям: 1) принятие новой религии в языке, который требует постоянного перевода для массового сознания верующих (как латынь у романских и особенно у германских народов);

2) христианизация в родном (или близком, не требующем перевода) языке; как армянский язык с начала армянской церкви в 301 г.; старославянский язык, благодаря миссии свв. Кирилла и Мефодия 863 г., в славянском богослужении» [3, с. 77].

В эпоху складывания древнерусской народности можно выделить три процесса: 1) окончательное выделение древнерусского языка среди других славянских языков и дальнейшее раздробление самого древнерусского языка. К XII в. восточные славяне еще не вполне осознали свое языковое отличие от родственных славянских этносов, что зафиксировал автор Повести временных лет: «бе бо единъ языкъ словенскъ». Но уже во второй половине XII в. встречаются первые упоминания об отдельном «чешском» языке, в начале XIII в. – «польском» языке; 2) к XIII-XIV вв. этнораздельные процессы в лингвогенезе зашли так далеко («так разидеся словьньскый языкъ»), что язык превращается в главный этномаркер («плоди польского языка»). Уже в XIII-XIV вв. отмечается разделение на великорусский, белорусский и украинский языки. Так, в русском языке исчезает звательная форма, тогда как в украинском и белорусском языках она сохраняется. 700-летняя история древнерусского народа подходит к концу.

Аналогичные процессы происходили по всему славянскому массиву. По Д. Ангелову [2, с. 40], уже к концу X в. самосознание болгарской народности породило термины «Болгария» и «болгары». Понятие «язык» приобрело двуединный смысл, обозначая одновременно народ (этническую общность) и речь (устный и письменный язык), а термин «болгарский язык» повсеместно вытеснил термин «славянский язык», который до середины X в. имел безраздельное хождение; 3) образование диалектов внутри древнерусского языка. По наблюдению филологов, диалектные различия XII-XIII вв. не являлись выражением старых родо-племенных особенностей, а представляли собой совершенно новое социолингвистическое явление. Интенсивная миграция племен закончилась. Оформились княжества. Стабилизировались границы. Экономическая жизнь вышла за пределы родо-племенных коллективов. Однако хозяйственно-экономическое, политическое, религиозное и культурно-бытовое единство было еще настолько слабым, что могло способствовать только формированию и укреплению местных кояне, но никак не единого общерусского языка.

Согласно Б.А. Ларину [4], единого и общенародного разговорного языка в Киевской Руси X-XII вв. не существовало. Не было и единого письменного языка: церковно-славянский книжный язык обеспечивал единство верхов, то есть был аристократическим языком своего времени. Таким образом, в отношении древнерусской народности можно говорить лишь об относительном единстве этноса, ибо на уровне разговорного языка существовало множество диалектных различий, а на уровне письменного – как минимум три языка (церковно-славянский, литературный и деловой).

Для средневековых языковых коммуникаций вообще характерно двуязычие. В Древней Руси это было «гомогенное двуязычие» (по Н.И. Толстому) или «гетерогенное одноязычие» (по Г.А. Хабургаеву), «диглоссия» (по Б.А. Успенскому), когда церковно-славянский язык не был разговорным, а русский язык не являлся литературным. То же самое в других странах. В Англии – коренной англо-саксонский язык и привнесенный норманскими завоевателями старофранцузский. Таким образом, «культурное двуязычие – типологическая черта великих языков европейских цивилизаций» [5, с. 727].

При изучении лингвистических процессов в народную эпоху высвечивается очень интересный момент в этногенезе данного периода. Народность предстает не только как отдельный, но и вполне особый этап в развитии народов мира. Так, многие этнодетерминанты и этномаркеры носят характер пост(вне, после)национального времени. Религии – мировые (только в самозамкнутых обществах типа Китая и Японии распространяются так называемые «национальные» религии), государства – империи, язык – международный (латынь у христианских народов, санскрит – у индусов, арабский – у мусульман, церковно-славянский – у православных славян и румын). Повсюду дуализм (двоеверие, двуязычие и т.д.), который является наиболее характерной чертой этой народности.

На следующем этапе, в эпоху складывания нации, ведущую роль сыграли литература, книгопечатание и система народного образования. Письменность привела к нормированию языка, литература и книгопечатание, а затем и народное образование подготовили эру массовый коммуникации, что позволило языку выйти на новые коммуникативные рубежи.

Литературный язык получает небывалые функциональные возможности и в перспективе повсеместно становится наддиалектным и межсловным средством общения. Эта «нациообразующая» функция литературного языка настолько сильна, что приводит к невольным абберациям в этническом сознании. Вот характерный случай, рассказанный Б.А. Успенским [6, с. 4]. Старославянский язык, в силу своей небывалой стабильности (сакральности, нормативности, широты охвата и пр.), в глазах русских людей в конце концов отождествился с исходным состоянием (предстал в виде языка предков). И лишь во второй половине XVIII в. против такого антиисторического понимания выступили М.В. Ломоносов, А.А. Барсов, Н.М. Карамзин, А.Х. Востоков и другие ученые.

Н.Б. Мечковская [3, с. 156-157] отмечает следующие социальные инновации, пришедшие вместе с книгопечатанием. Многократно увеличилось количество потребителей информации и плотность информационных потоков, циркулировавших в обществе. Резко возрос удельный вес языка и речевой деятельности, что явилось одной из предпосылок формирования Просвещения. Книгопечатание способствовало быстрой стабилизации языковой нормы и распространению ее вширь среди читающих слоев населения. Но самое главное – книгопечатание способствовало демократизации общения и унификации

языка, чем подготовило превращение народа в субъект национального самосознания.

Особенность развития книгопечатания в России состояла в том, что оно очень поздно оторвалось от богослужебных целей. Например, в Москве до 1640 г. печатались почти исключительно богослужебные книги. По данным И.В. Поздеевой [7, с.151] из 223 изданий государева Печатного двора в период с 1615 по 1652 гг. — по разным методикам подсчета — книги религиозно-церковного характера составляли 44-85% (затем шли азбуки и другие обучающие книги).

Конечно, само по себе книгопечатание осталось бы малопродуктивным процессом, если бы не было подкреплено централизацией государства, преодолением внутренних таможенных границ и других национально-социальных процессов. При преодолении народностного этапа этногенеза все происходит комплексно: книгопечатание явилось базой для распространения общенационального языка, а процесс централизации управления стал базой для развертывания книгопечатания. Как пишет Э. Хобсбаум, «нелитературный народный язык всегда является совокупностью местных вариантов или диалектов, которые взаимодействуют между собой с разной степенью легкости или трудности, зависящей от географической близости или доступности... до введения всеобщего начального образования никакого разговорного «национального» языка не было и быть не могло» [8, с.82-83]. Таким образом, пока «человек массы» в массе своей оставался неграмотным, ему было все равно, на каком языке говорила элита.

Первые печатные учебные пособия по церковно-славянскому языку в систематизированном виде появляются на рубеже XVI-XVII вв. В первую очередь это касается южно-западного региона Руси, ибо после церковной унии 1569 г. на территории белорусского и украинского народов, включенных в Польско-Литовское государство, иезуиты развернули широчайшее пропагандистское движение. Здесь школьное и типографское дело стало формой национальной борьбы. В 80-е гг. XVI столетия в Киеве, Львове и Вильно были организованы высшие братские училища. В 1584 г. издается Букварь Ивана Федорова, в 1619 г. — Грамматика Мелетия Смотрицкого, а в 1696 г. Генрих Лудольф издает в Лондоне русскую грамматику. В целом же, вплоть до середины XVIII в., русская литература оставалась рукописной (признак литературы, не претендующей на звание «высокой», как материальной основы национального самосознания).

Языковой критерий формирования нации очень простой: пока один народ разговаривает или пишет на двух-трех разных языках, рано говорить о единой нации. Это значит, что общенациональный язык еще не вступил в свои социально-политические права, так как имеет суженное функциональное значение (например, чешский язык стал использоваться как литературный только с XIII в.). Поэтому развернувшись к началу XVIII в. орфографическую, фонетическую, грамматическую и лексическую кодификацию русского языка

можно рассматривать как «яркое проявление русского национального самосознания, отражение становления русской нации» [9, с.122].

Складывание общего великорусского языка на основе московского говора (койне) приходится на XVIII век. В это время уже окончательно завершается процесс складывания (выделения) диалектных различий. Таким образом, на данном этапе мы наблюдаем единство двух процессов: 1) окончательное разделение древнерусского языка на три ветви. В.Г. Костомаров [10, с.228] подразделил эпохи в истории Руси по главным языковым новациям: а) в Киевской Руси (X-XI вв.) главным событием является падение глухих; б) в эпоху феодальной раздробленности (XII-XIV вв.) главным признаком языка становится диалектное разветвление; в) в Московской Руси (XIV-XV вв.) главным событием является распад древнерусского языка на три ветви; 2) объединение «русских» диалектов в единый великорусский язык. Можно вспомнить интересную деталь: яковинский Конвент вообще потребовал запретить региональные языки и искоренить всякие диалекты. Как и в других областях жизни (единое право, единая армия, единая школа и т.д.), наконец, формируется единый язык. По специальному указу от 1675 г. в приказах и иных нецерковных текстах было предписано писать так, как произносится речь того времени.

Вероятно, формирование общенационального языка на базе какого-либо регионального диалекта является общим правилом: болгарский литературный язык изначально опирался на западно-болгарский диалект, украинский язык основывался на юго-восточных говорах и т.д. Таким образом, в национальный язык обращается не полумертвый сверхнациональный «мировой» язык (латынь, старославянский и т.п.), а живой разговорный диалектный язык. Это объясняется, в основном, происшедшей секуляризацией общественного сознания и социальной жизни населения. Чужой язык (латынь для поляков и чехов, а во многом и старославянский для русских и болгар) воспринимался как «свой» только в условиях теократизма («язык Бога»). Светская жизнь востребовала к жизни живые разговорные языки. «Мировые» языки (английский, французский, испанский и т.д.) будут призваны в надлежающей мере лишь в постнациональный период этногенеза.

Если в начале процесса национализации наиболее остро стоит проблема создания единого языка нации, то в эпоху ставшей нации она преобразуется в проблему максимального расширения общественных функций этого языка, а в постнациональный период встает острая проблема сохранения этих функций у национального языка.

Итак, лингво- и этногенез в своем развитии в целом синхронизированы в своем пространстве и времени. Каждому этапу этнического развития соответствует своя конкретно-историческая языковая ситуация. Однако коэволюция языковых и этнических преобразований носит не только синхронный, но и диахронный характер (народностное элитарное двуязычие как бы предваряет постнациональное общенародное двуязычие). Этническое и

лингвистическое — самостоятельные виды социальных процессов, которые влияют друг на друга, но не поглощаются друг другом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.-Л., 1962.
2. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989.
3. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М., 1996.
4. Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977.
5. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.
6. Успенский Б. А. Краткий очерк русского литературного языка (XI-XIX вв.). М., 1994.
7. Вопросы истории. 1990. № 10.
8. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998.
9. Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981.
10. Костомаров В. Г. Жизнь языка: От вятичей до москвичей. М., 1994.

.....
Михайлова Людмила Яковлевна, ст. преподаватель кафедры «Политология и социология» УлГУ. Окончила Калининский государственный университет. Имеет публикации в области философии, политологии, социологии

III. ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

В. И. МЕЛЬНИК, Т. В. МЕЛЬНИК

СРЯТИТЕЛЬ НИКОЛАЙ В РУССКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТАХ

Исследуется образ Святытеля Николая Чудотворца в русских фольклорных текстах (былина «Садко» и духовный стих «О Миколе Угоднике»).

Св. Николай Угодник, как известно, один из самых любимых народом христианских святых. Он является персонажем или героем во многих произведениях фольклора и литературы. К сожалению, вопрос этот, с литературоведческой точки зрения, практически не исследован. Особый вопрос составляет способ комментирования известных текстов о Николае Чудотворце.

В настоящей статье мы обратимся лишь к некоторым фольклорным текстам, что, впрочем, достаточно для того, чтобы проанализировать сложившиеся стереотипы «социологического» подхода к комментированию их в отечественном литературоведении. Что касается фольклора, то существует фундаментальное исследование А. Вознесенского и Ф. Гусева о почитании св. Николая Угодника в России [1].

Образ св. Николая Чудотворца в русском фольклоре многообразен. Вот некоторые из пословиц, взятых из сборника Вл. Даля: «Лучше брани: Никола с нами», «На поле Никола общий Бог», «Бог не убог, а Никола милостив», «Нет за нас поборника супротив Николы», «Никола на море спасает, Никола мужику воз подымает» [2]. Встречается образ святытеля Николая и в былинах. Наиболее значима роль святого в цикле новгородских былин о богатом и удачливом купце по имени Садко. В этих былинах действует Никола Можайский, чей образ, очевидно, был особенно чтим в Великом Новгороде.

В былине «Садко» св. Никола Можайский выступает как защитник веры и явно противопоставлен языческому божеству: морскому царю. Между св. Николаем и морским царем идет борьба за человеческую душу. Садко в начале былины предстает перед читателем человеком человеком небогатым. Он всего лишь гуслар. Интрига, двигающая сюжет былины, завязывается на мотиве бедности Садко:

Садка день не зовут на почестен пир,

Другой не зовут на почестен пир

И третий не зовут на почестен пир

По том Садке соскучился.

Морской царь выступает в типичной роли беса-соблазнителя, якобы помогающего человеку, а на самом деле похищающего его душу. Сначала он подсаживает Садко, как можно обогатиться, «ударив о велик заклад» с новгородскими купцами, а после того, как Садко становится богатым, морской царь требует, так сказать, возвращения долга. Морской царь радуется, что Садко «нонь весь пришел ко мне». Только теперь открывается, что Садко, по его собственным словам, действительно «заложил свою буйну голову» (т.е. душу) морскому царю (дьяволу). Таким образом, перед нами едва ли не первый в